

Осетинская Нартиада*

(Рецензия на книгу «Осетинская Нартиада: мифологические истоки и ареальные связи». Чибиров Л. А. – Владикавказ: Ир, 2016. 463 с.)

В истории каждой науки бывают некие узловые моменты, когда надо остановиться и осмыслить накопленное предшественниками, осознать пройденный путь и очертить направления развития, наметить их перспективы. Тогда появляются научные труды, которые подводят итог определенного этапа развития науки, направляя дальнейшие устремления ученых и становясь знаковыми, настольными для них. Для осетинской фольклористики вообще и нартоведения в частности таковой в свое время стала сравнительно небольшая монография Васо Абаева «Нартовский эпос осетин» [1, с. 142–242]. Она выдержала два издания и, с одной стороны, знакомила осетиноведов с идеями и взглядами зарубежных фольклористов, как бы легализуя их, а с другой стороны, предоставляла русскоязычному читателю и мировой научной общественности сведения о циклах, сюжетах и мотивах осетинского нартовского эпоса. Наряду с многочисленными статьями и предисловиями, эта книга в немалой степени способствовала распространению и утверждению взглядов самого Абаева.

Прошли годы, изменились научные тенденции, рухнул идеологический диктат, обязывавший фольклористов следовать определенным методам, проводить строго оговоренные параллели, касаться лишь дозволенных тем и ссылаться только на тех авторов, на которых было разрешено свыше. Исчезли искусственные преграды на пути к зарубежной литературе. Появились новые монографии и статьи осетинских, российских, европейских и американских авторов, стали регулярными международные конференции по нартоведению. Ввиду этого закономерно появилась потребность в новом обобщающем труде, который зафиксировал бы современное состояние изучения осетинского нартовского эпоса. Неслучайно честь написать его

выпала одному из ведущих современных осетиноведов, имеющему несомненные заслуги и в этнографии, и в изучении народного мировоззрения и традиционных верований, и в источниковедении, – Людвигу Чибирову, книги которого стабильно отличает эрудиция и широта взглядов.

В монографии «Осетинская Нартиада: мифологические истоки и ареальные связи» (2016) Людвиг Чибиров избрал предметом исследования «сопоставительные параллели, идущие от нартовского эпоса к скифам, а через них к европейским, иранским и индоиранским древностям, эпическому пространству Европы» [15, с. 11]. Это отражает три магистральные линии развития современных исследований осетинского нартовского эпоса.

Первая из них, заложенная еще Всеволодом Миллером, ищет в сказаниях о нартах отражение быта, обычаев и преданий скифо-сарматского мира, то есть прямых предков осетин. С конца XIX века, благодаря упорным поискам фольклористов, мифологов, археологов, количество параллелей между сведениями классических авторов о скифах, саках и сарматах и произведениями их искусства, с одной стороны, и осетинскими сказаниями о нартах, с другой, возросло в разы. Привлечение данных фольклора и этнографии осетин для интерпретации археологических находок уже стало нормой для археологов [15, с. 207–279]. Это однозначно важно для установления обстоятельств формирования эпоса.

Вторая линия, восходящая к Жоржу Дюмезилю и его школе, прослеживает параллели с мифологией и эпосом народов Европы – как с классическими цивилизациями Средиземноморья, Грецией и Римом, так и с условно названным «варварским» миром, взаимодействовавшим со скифами и сарматами. Последний представлен кельтами, германцами, славянами и финно-уграми. Таковы параллели между одним из центральных героев нартовского

*В сокращенном варианте опубликована в республиканской ежедневной газете «Северная Осетия», 15.08.2019, <http://osinform.org>.

эпоса, солярным Сосланом, и греческим и скифским богом Аполлоном, якобы пришедшим от варваров; между Сосланом и героем артуровского эпоса кельтов Гавейном; между Сосланом и героем гомеровского эпоса греков Ахиллом, имевшим отношение к Северному Причерноморью и даже считавшимся у ряда авторов скифом; между Сосланом и германским богом Бальдром, между Сосланом и индо-иранским, персидским, а затем эллинистическим богом Митрой; выразительные соответствия между осадой Трои и взятием крепости Хыз в нартовском эпосе [15, с. 95–103]. В обско-угорской мифологии этому персонажу нартовского эпоса соответствует бог Мир-сусне-хум [15, с. 403], который заимствован из иранской мифологии и является местным вариантом того же иранского Митры [13, с. 146–149]. У Сослана немало общего с греческим полубогом Гераклом, входившим в скифский пантеон [15, с. 107–111], но еще больше – с ирландским витязем Кухулином [15, с. 112–117].

Если Сослан демонстрирует солнечные черты, то другой знаменитый герой нартовских сказаний, Батраз, воспроизводит на эпическом уровне черты громовержца. На уровне осетинской высшей мифологии ему в той или иной мере соответствуют божества Уацилла, Уастырджи, Тыхост и Тутыр [15, с. 128–130]. Они соотносятся примерно так же, как Илья Муромец из былин и святой Илья или дохристианский Перун у восточных славян. Батраз тоже кое в чем напоминает Ахилла [15, с. 155–156], но больше всего ему соответствует величайший герой западноевропейского, валлийского по происхождению, книжного эпоса и народных сказаний – король Артур, точно так же неразрывно связанный со своим мечом Экскалибуром. Деяния Артура часто перекликаются с подвигами Батраза, а добытый им из камня меч, вдохновивший создателей анимационных и художественных фильмов, воспроизводит скифские и аланские жертвенники степного бога Арея. Подобно сармато-аланским вождям, он связан с символом дракона, и в качестве одного из его исторических прототипов рассматривают раннесредневекового вождя аланов [15, с. 156–164, 241].

Говоря о сармато-аланских корнях образа короля Артура, пожалуй, стоит отложить в сторону сомнительную, хотя и популярную осетинскую этимологию его имени от *Æртхурон* ‘огонь солнцевич (название божества огня, карающего, как и в славянских верованиях, кожными болезнями, а также ритуального пирога в его честь)’, данную Васо Абаевым [15, с. 156]. Она малоубедительна фонетически, ведь диграф *th* обозначает звук валлийского языка, а не стык двух основ, зато ближайшей родней осетинского обрядового пирога в честь огня являются всем известная севернорусская и украинская (с 1666 года) ватрушка ‘круглый, открытый сверху, защищенный только с краев пирожок или лепешка, обыкновенно с творогом’, бывшая, по

предположению ученых, жертвенным хлебным изделием, и польское диалектное *watrznia* ‘испеченная на углях овсяная лепешка’, связанные с украинским иранизмом *vatra*, польским *watra* ‘огонь; костер’, кстати, отсутствующим в севернорусских говорах [4, с. 309, 338–341; 12, с. 298; 3, с. 253; 16, с. 93; 2, с. 123]. Это интересная скифо-европейская изоглосса.

Не менее разительными являются совпадения между Батразом и другим безупречным воином артуровского эпоса – Ланселотом [15, с. 164–170, 181]. Кроме того, Батраза сравнивают с Персепалем и Галахадом, учитывая параллели между чашей Уацамонга и знаменитым Граалем [15, с. 172–173]. Как и у Сослана, у Батраза есть общие черты с героем ирландских уладских сказаний Кухулином [15, с. 170–172], с германским Гуннармом [15, с. 173]. Наконец, давно уже отмечено наличие мотивов, связанных с Батразом, в славянских былинах о Святогоре и упомянутом выше Илье Муромце. Их следы есть в фольклоре южных и северных соседей скифских и сармато-аланских племен – кавказцев, чувашей и марийцев [15, с. 164–170, 176].

Архаичным является и образ злокозненного Сырдона – эпического трикстера, выступающего движущей силой многих сюжетов. Начиная с классических исследований Жоржа Дюмезиля и Жюльена Грисвара, уже доказанным является родство Сырдона со злословным и коварным германским богом-трикстером Локи и смутьяном Брикриу (Брикреном) из ирландских уладских сказаний. Более того, прослеживается своеобразный параллелизм между парами Сырдон – Сослан, Локи – Бальдр, Брикриу – Кухулин [15, с. 185–196]. Следом за Грисваром, Людвиг Чибиров сравнивает Сырдона и со знаменитым сенешалем двора короля Артура и его молочным братом – Кэем [15, с. 196], который был известен скорее острым языком и заносчивостью, чем владением мечом. Это особенно вероятно ввиду того, что прототипы данного образа артуровских романов в кельтской традиции довольно близки к Брикриу. Это некто Кай Канбретах, который был судьей среди мифического поколения сыновей Миля, а потом в какой-то момент перешел на сторону Тута де Дананн, похожих на нартов. Известно также, что некто Кэ из племени фоморов, аналогичных осетинским уаигам, был послан в Ирландию для сбора дани со двора верховного короля Нуаду. Так он оказался приближенным Нуаду и даже его другом. Данное обстоятельство не только резонирует с ролью Сырдона в нартовском обществе, но и совпадает с его не совсем нартовским происхождением. В валлийской повести «Килох и Олвен» Кэй предстает могучим чародеем: он способен девять дней и ночей провести под водой, такой же срок обходиться без сна, способен становиться ростом с высокое дерево, в самый сильный дождь на расстоянии вытянутой руки от него все остается су-

хим, и в мороз он может обогреть спутников лучше любого костра. Рану, нанесенную его мечом, не в силах залечить ни один лекарь. Добывая чудесные предметы, которые требует великан Исбаддаден за руку своей дочери Олвен, Кэй путешествует на спине древнего и мудрого лосося и освобождает из заточения чародея Мабона, сына богини Модрон. Побоявшись вызвать великана на честный бой, Кэй обманом одолевает противника, пока тот спит, за что над ним насмехается Артур. В рыцарских эпопеях часть первоначальных отрицательных характеристик Кэя, сочетающих храбрость и бескорыстие со злоязычием, хитростью и коварством, сохранилась. Так, именно он глумится над юным Гаретом, прибывшим ко двору Артура и скрывающим свое имя, а в романе Кретьена де Труа «Ланселот, или Рыцарь повозки», в значительной степени опирающемся на древние легенды, Кэй фактически способствует тому, что королева будет увезена в «страну без возврата». В романе «Перлесво» Кэй становится виновником гибели законного сына Артура и Гвиневеры Лохольта [8, с. 52, 235–237].

Традиционно сравнивают с греческим Орфеем, сыном Аполлона, финским создателем кантеле из костей щуки Вяйнямейненом, германским менестрелем Горантом из «Кудруны» и славянским былинным гуслиаром Садко нартовского музыканта, флейтиста Ацамаза [15, с. 205–206], хотя все перечисленные играют на струнных инструментах и, скорее, напоминают Сырдона с его фандыром, а на скверли играет, например, финский юный мститель Куллерво. Давно замеченное сходство удела близнецов-латинян Ромула и Рема с печальной судьбой нартовских первопредков Ахсара и Ахсартага [15, с. 20, 32–34, 38–39, 285, 319, 400], кстати, позволяет проложить дальнейшую параллель между популярной в осетинском фольклоре волчицей-оборотнем и аналогичным персонажем испанской, особенно галисийской демонологии [7, с. 144–148, 150]. Важно, что западные ареальные связи образов нартовского эпоса отвечают историческим контактам и этнокультурным связям скифских, сарматских и аланских племен [15, с. 280–310].

Третья линия направлена на то, чтобы обозначить место нартовского эпоса осетин в кругу народного эпического творчества ираноязычных народов, ближайшей родни осетин, а оттуда уже шагнуть дальше – к дардам Гиндукуша и индоариям, которые могут пролить свет на мотивы эпохи индоиранского единства. Так, путешествие Сослана в страну мертвых, сопровождающееся поучительными зрелищами, отвечает такому же отправлению в загробный мир зороастрийского праведника Вирази, а также индийского полубожественного эпического героя Бхригу [15, с. 103–106]. Подвиги Сослана совпадают с подвигами индоарийского божественного правителя Рамы, тоже имеющего солнечную природу [15, с. 107–111]. А Батразу со-

ответствуют не только почитавшийся в виде меча скифский бог Арес, но древнеиранский бог бури и грома, воинственный Веретрагна и его ведический собрат Индра [15, с. 126, 135–137, 324]. Схожи образы Батраза и персидского эпического героя Рустама, а кроме того, Арджуны, идеального воина из индийского эпоса [15, с. 130, 138–140, 182]. Бельгийский индолог Кристоф Вьель отметил близость нартов Сыбалца и Скал-Бесона к другому индийскому эпическому воину – Карне [15, с. 29–30]. Давно установлено, что ведический бог ветра и смерти Вайю, в свою очередь, родственен осетинским великанам-уаигам, связанным с враждебной человеку стихией зимы и холодных ветров [15, с. 137–138]. А в персидском книжном эпосе про Фаридуна находит соответствие способ, которым нартовский Ацамаз выведывает у матери обстоятельства гибели его отца [15, с. 205]. Особенно широк круг мифологических, легендарных и эпических образов, которые привлекают для выявления архаических черт Сырдона: это мудрец Вишвамित्रа, пытающийся силой увести корову Сурабхи, змееподобный Вритра, похитивший и укрывший в подземной пещере коров, которых отыскал Индра при помощи собаки Сарамы, и в какой-то мере даже злой бог зороастрийской мифологии Ариман (Ангро-Майню) [15, с. 185].

Вместе с тем приходится констатировать, что осетиноведение по вненаучным причинам долгое время было вынуждено развиваться вдали от иранистики, если не считать привлечения лингвистами осетинских языковых данных. Почти не проводилось параллелей между фольклором и верованиями осетин и фольклором и верованиями персов, таджиков, татов, народов Памира, афганцев, белуджей, курдов, заза. То же самое касается персидской и таджикской письменной традиции, практически неизученной по отношению к нартовскому эпосу. Для обоснования политически окрашенной теории о некоей «двуприродности» осетин и их «кавказском субстрате» традиционная культура осетинского народа умышленно рассматривалась обособленно от культур других иранцев, но непременно в кругу неиндоевропейских соседей, параллели с которыми в подавляющем большинстве объяснялись заимствованием от самих же осетин и их сармато-аланских предков. Определенный прогресс начинает намечаться сейчас. Но, по справедливому замечанию Юрия Дзицойты, выявленные Эльбрусом Сатцаевым [11] персидско-осетинские параллели порой «носят общетипологический характер» [5, с. 200]. Их еще надо подтвердить и углубить сравнением с народным творчеством персов, таджиков, татов и других южноиранских народов. Осетии-Алании суждено стать связующим звеном между гуманитарными науками Европы и Ирана, Таджикистана, Афганистана, Пакистана, где проживают ираноязычные родичи осетин. В контексте

иранского направления исследований для нартоведения важное значение занимает картвелистика, поскольку в грузинской средневековой переводной письменности могли отражаться персидские сочинения, в том числе не дошедшие до нас, и персидские народные варианты книжного эпоса. Определенные шаги в этом направлении сделал тот же Юрий Дзиццойты, проанализировав на предмет иранских заимствований грузинский эпос «Амираиани» [6]. На очереди – «Ростомиани» и другие сказания грузин персидского происхождения.

Особый вес, кроме того, приобретает обнаруженная топонимическая параллель между индийским Гуджарат и закавказским Гуджарет [15, с. 284], поскольку для осетиноведения крайне интересны индийские потомки царских скифов, саков и эфталитов – раджпуты и близкие к ним гуджары, разговаривающие на западноиндийском языке раджастхани, но сохранившие элементы скифской культуры, включительно с поклонением мечу [14], а также скифо-дравиды, говорящие неиндоевропейским языком, однако сберегшие европеоидный антропологический тип, одежду, обычаи, – курги, они же кодава [17], причисленные, как и раджпуты, к кшатриям.

Думается, что развитие российской индологии, кельтологии и германистики, перевод и издание

первоисточников и исследований западных ученых в этих областях, а также ознакомление с ними в оригинале тоже существенно расширят базу для исследований нартоведов, преподнеся много неожиданных находок. Порадует сюрпризами и издание трудов античных авторов, которые осетинам стоит прочесть заново. С другой стороны, первоочередной необходимостью являются дальнейшая публикация архивных записей фольклора и перевод семитомника «Нарты кадджытæ», а также царциатского и даредзановского циклов, на русский и другие языки, чтобы дать возможность не только осетиноведам, но и специалистам в разных сферах гуманитарных знаний, которые не владеют осетинским, ознакомиться с более широким кругом осетинских сказаний.

Из монографии Людвиг Чибирова явствует еще несколько примечательных моментов. Во-первых, за все эти годы, несмотря на приложенные усилия, не удалось обнаружить каких-либо разительных сходжений между нартовским эпосом осетин и эпическими сказаниями тюркоязычных народов. Они по-прежнему сводятся к нескольким мотивам у средневековых огузов, в этногенезе которых в значительной мере принял участие иранский этнический компонент, и их потомков – каракалпаков, туркмен [15, с. 263, 307]. Остальные параллели

Илл. А. Джанаева.

могут расцениваться как чисто типологические, присутствующие в героических сказаниях и других, нетюркоязычных народов [15, с. 270]. Это доказывает, что осетинский эпос не испытал влияния тюркской эпикки и явно сформировался задолго до прихода тюрков на Кавказ и в Восточную Европу. Во-вторых, надлежит констатировать, что монгольскую гипотезу происхождения нартовского эпоса, заложенную Васо Абаевым и выпестованную Тамерланом Гуриевым, по всей видимости, следует считать ушедшей. Она не пережила испытание временем и ушла в прошлое вместе с ее талантливыми создателями. Их экстравагантные монгольские этимологии имен героев нартовского эпоса уже воспринимаются как «неоднозначные» и «оспариваемые» [15, с. 180, 183, 403]. Молодое поколение нартоведов осталось к этой гипотезе равнодушным. Не восприняли ее и западные коллеги. Обращает на себя внимание и факт, что цикл о Батразе и его отце Хамыце, которые якобы оба носят имена тюрко-монгольского происхождения, отсутствует в нартовских сказаниях карачаевцев и балкарцев [15, с. 362]. То же самое можно сказать еще об одном народе монголо-татарского происхождения, который усвоил отдельные нартовские сюжеты и даже осетинские религиозные культы, – ногайцах.

Точно так же именно к периоду до нашествия монголов относятся связи осетинского эпоса с фольклором народов Дагестана [15, с. 60]. Лишь до этой мрачной поры могло продолжаться взаи-

модействие алан с финно-угорскими народами Поволжья [15, с. 300–301]. И только до монгольского нашествия могли сложиться славянско-осетинские фольклорные параллели, пока еще, к сожалению, намеченные в исследованиях нартоведов несколькими штрихами [15, с. 138, 174, 403]. Важно замечание Людвиг Чибирова, отсылающее к целой малоисследованной теме: «Многие нартовские сюжеты украинцы «впустили» в свой фольклор, хотя и по-своему переосмыслив их» [15, с. 378].

Что касается наличия национальных версий сказаний о нартах, то неоднократно отмечались факты усвоения тех же севернорусских былин коми, мордвой, удмуртами, чувашами и даже якутами, бытования скандинавских языческих представлений у соседних саамов. Не лишним будет также вспомнить вклад «Шах-наме» Фирдоуси и других персидских эпических поэм в формирование фольклора тюрков Средней Азии и Закавказья [9; 10]. В то же время в книге отмечается грустный эпизод, когда на Сухумской конференции по нартоведению 1963 года адыгские и абхазские коллеги фактически вынудили Васо Абаева отречься от своих объективных научных взглядов на единый скифо-сармато-аланский центр формирования эпоса во имя ложно понимаемой ими дружбы народов [15, с. 352–353].

Следует особо отметить ту тактичность и деликатность, с которой Людвиг Чибиров ведет полемику с авторами, пытающимися без каких-либо оснований приписать создание нартовского эпоса адыгам, ингушам, карачаевцам и балкарцам, аб-

Илл. А. Джанаева.

хазам [15, с. 313–324, 347–395, 409]. Часть этих авторов откровенно шовинистически настроена и находится вне академической науки, а их «сенсационные» ревизионистские версии призваны подчеркнуть максимальную древность и автохтонность их собственных народов, своеобразно отражая сложную этнополитическую ситуацию на Кавказе и многочисленные межнациональные конфликты и претензии; тем не менее Людвиг Чибиров всегда и везде остается выдержан, предельно корректен и доброжелателен. Несомненно, у него следует поучиться как его оппонентам, так и всем тем, кто продолжает следовать мрачным канонам тоталитарной научной критики, имевшей четкую личностную направленность и ставившей задачу морального и социального (иногда даже физического) уничтожения критикуемого. Вместе с тем выступление Людвиг Чибирова против паранауки свидетельствует о его огромной научной смелости. Он говорит о том, о чем молчат другие: на Кавказе, и не только, уже есть «ученые, которые мыслят объективно, но вынужденно пишут сообразно с диктовкой политической обстановки в национальном регионе» [15, с. 393]. Трудно согласиться лишь с тем, что антинаучные опусы появились только в «постсоветское время» [15, с. 25]. К сожалению, еще при СССР, удовлетворяя чьи-то национальные амбиции, преспокойно печатались книги и статьи печально известного Исмаила Мизиева, а также Казия Лай-

панова, Махти Джуртубаева, Валерия Бушакова, Айдера Меметова, Даулена Айтмуратова, Олжаса Сулейменова и прочих фальсификаторов, почти не встречая сопротивления в науке и прессе. История распространения этих лженаучных идей и их направленность нуждаются в отдельном объективном исследовании.

Книга Людвиг Чибирова – яркое свидетельство того, что осетинская фольклористика не стоит на месте, а порой и опережает столичные научные центры, погрязшие в изучении «постфольклора». Этому способствует как наличие обширной базы источников, не требующей домысливания и присвоения чужого, так и внимание к нартовскому эпосу со стороны исследователей из разных стран. Данный труд, судя по всему, станет катализатором нового витка изучения сказаний о нартах, поскольку, подытожив наблюдения осетинских и зарубежных нартоведов, изложив аргументированные и меткие наблюдения самого автора, монография Людвиг Чибирова ненавязчиво побуждает пытливого профессионального читателя, испытывающего восторг перед величественным древним зданием Нартиады, самому попробовать разгадать ее загадки.

К.Ю. Рахно,
доктор филологических наук,
Киев.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Абаев В.И.** Избранные труды: Религия, фольклор, литература. – Владикавказ: Ир, 1990. 640 с.
- 2. Аникин А.Е.** Русский этимологический словарь. – Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – Вып. 6 (вал I – вершюк IV). 368 с.
- 3. Гуцуляк Олег.** Хто такі березині? // Космос Древньої України. Трипілля – Троянь. Мітологія. Філософія. Етногенез. VI тис. до н.е. – I тис. н.е. – Київ: Індо-Європа; Європейський телеграф, 1992. С. 253–254.
- 4. Десницкая А.В.** Сравнительное языкознание и история языков. – Ленинград: Наука, 1984. 352 с.
- 5. Дзицойты Ю.А.** Вопросы осетинской филологии. – Цхинвал: Республика, 2017. – Том I. 464 с.
- 6. Дзицойты Ю.А.** Нартовский эпос и Амираниани. – Цхинвал: полиграфическое производственное объединение, 2003. 224 с.
- 7. Зеликов М.В.** Баскская мифология (опыт лингвистической реконструкции). – Санкт-Петербург: издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. 236 с.
- 8. Комаринец Анна.** Энциклопедия короля Артура и рыцарей Круглого Стола. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 461, [3] с.
- 9. Короглы Х.Г.** Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. – Москва: Наука, 1983. 336 с.
- 10. Кумисбаев У.К.** Проблемы арабо-персидских и казахских литературных связей (XIX–XX вв.). – Алматы: издательство КазГУ, 1996. 292 с.
- 11. Самцаев Э.Б.** Нартовский эпос и иранская поэма Шахнаме (сходные сюжетные мотивы): Монография. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 156 с.
- 12. Словник української мови: в 11 томах.** – Київ: Наукова думка, 1970. – Том 1: А-В. XXVII, 799 с.
- 13. Топоров В.Н.** Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии (1–2) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). – Москва: Наука, 1981. С. 146–162.
- 14. Успенская Е.Н.** Раджпуты: рыцари средневековой Индии. – Санкт-Петербург: Евразия, 2000. 384 с.
- 15. Чибиров Л.А.** Осетинская Нартиада: мифологические истоки и ареальные связи. – Владикавказ: Ир, 2016. 463 с.
- 16. Чучка П.П.** Слов'янські особові імена українців: історико-етимологічний словник. – Ужгород: Ліра, 2011. 432 с.
- 17. Шапошникова Л.В.** Мы – курги. – Москва: Мысль, 1978. 284 с.